

удалось схватить лошадей, какъ его самого не подтоптали подъ копыта и не избили въ прахъ... Мнѣ бы хотѣлось отыскать этого крестьянина и поблагодарить его.

— Да, да, конечно, ему надо заплатить!—живо согласился князь:—хорошо заплатить, обезпечить на всю жизнь, дать больше, чѣмъ онъ мечтаетъ... А, впрочемъ, искать его не безпокойся: повѣрь, онъ самъ явится.

— Почему, папа?

— Какое ты еще дитя, Мила!—погладилъ онъ ее по головѣ.—Подумай сама: человекъ этотъ знаетъ, что онъ оказалъ намъ огромную услугу, знаетъ, что я могу и конечно захочу наградить его щедро... И неужто онъ пропуститъ подобный случай? Это было бы ужъ слишкомъ удивительно! Не рыцарь же онъ, переодѣтый въ лапти и сѣрую свиту.

Князь даже улыбнулся.

Но послѣ приключенія въ лѣсу прошло болѣе недѣли, а крестьянинъ, успѣвшій остановить лошадей, не являлся въ Краснополе (такъ прозывалась великолѣпная усадьба князей Убромскихъ): точно онъ въ воду канулъ.

III.

Вечерѣло.

Солнце, близкое къ завату, выгнувъ изъ-за небольшой тучки, еще разъ озарило своимъ послѣднимъ розоватымъ свѣтомъ и яркую зелень озимей, и черныя поля свѣжевспаханной яри, и сотную березъ (неизмѣнный пріютъ неизмѣнно суетливыхъ и крикливыхъ грачей), которыя словно сторожили въздѣ въ небогатое село Богодухово.

Но это было прощальной улыбкой дня.

Почти тотчасъ затѣмъ румяный блескъ началъ сбѣгать съ полей. Разомъ потускнѣла и нахмурилась синеватая озамъ. Тѣнь пошла рости все выше, выше... Вотъ ужъ она добралась почти до самыхъ верхушекъ березъ, вотъ погасъ вдали глубоченскій мѣловой холмъ—и вмѣстѣ съ этимъ вдругъ помутнѣлъ воздухъ, исчезли всѣ яркіе тоны красокъ... Только крестъ богодуховской колокольни еще горѣлъ яркой звѣздочкой надъ мирными полями, да западная половина неба, разцвѣтившись въ золото, янтарь и карминъ, повела свой молчаливый хороводъ быстро мѣняющихся огней, блесковъ и тѣней.

Въ этотъ вечерній часъ, по узенькой полевой дорожкѣ про-